

Наталья Флоч

КОГДА НАСТУПИТ УТРО

(мелодрама)

Наталья Дмитриевна Флоч

Когда наступит утро

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=35743761

SelfPub; 2020

Аннотация

Нежная, драматическая, порою мистическая история о жизни двух сестер, чьи пути разошлись, но связаны воедино. Эта нить проходит через весь роман, в котором мы будем плакать, смеяться, переживать, чувствовать и любить...

Содержание

Когда наступит утро	4
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Когда наступит утро

Двери ресторана «Cicada» распахнулись перед роскошной женщиной средних лет. Ее звали Софи Морис. Она была стройна, даже худа: в черном, открытом, приталенном платье в пол, с глубоким вырезом на груди и спине. Ее светлые волнистые волосы были слегка растрепаны. Они мягко спускались вниз, привлекая внимание к сексуальным косточкам на плечах. Кожа казалось бархатной, прозрачной. Вечерний макияж подчеркивал глубину огромных зеленых глаз и нежность губ. А все ее движения: будь то поворот головы, небрежный взмах руки и надменный брошенный взгляд, говорили о многом, а именно о том, что мало кто из мужчин смог бы не заметить эту божественную красоту.

– Софи! Я ослеплен! – глаза управляющего загорелись, он расцеловал ее руки. И было видно, что все это сделал совсем не из вежливости. Джеймс Робинсон служил в ресторане тридцать лет, видел много женщин, но и его сводил с ума этот взгляд. Ему было семьдесят с хвостиком, он неизменно носил маленькие очки, был элегантен, очень приветливо улыбался и вообще был «отличным парнем». Как однажды назвала его Софи.

Вот уже несколько лет она появлялась в ресторане раз в год, и только 30 июля. Садилась в самый уютный уголок, из которого хорошо просматривался вход, пила дорогой ко-

ньяк, а потом, пробыв несколько часов, уходила. Никто не знал, в чем была причина столь странного поведения, но спрашивать никто не решался. Это была не просто женщина, это была богиня. Вот и сегодня с ее появлением в зале все изменилось. И пока Софи дефилировала к своему месту, она чувствовала взгляды дам и господ, которые просто не могли отвести от нее глаз. И даже подсвечники из богемского стекла и огромные хрустальные люстры начали светить как-то иначе, словно понимали, что они всего лишь подсветка для бриллианта.

– Джеймс, мне как всегда: «Cougvoisier» и два бокала. Софи натянуто улыбнулась. Управляющий это заметил и хотел спросить, но... она опередила его:

– Не обращайтесь внимания, Джеймс...

Софи обвела глазами зал. Она вроде смотрела вскользь, но в тоже время это был не просто любопытный взгляд. Он был тревожным и напряженным. Она словно искала кого-то. Но, увы... И только мужчины, которые и так поглядывали в ее сторону, оживились.

Софи это заметила и позволила себе маленькую шалость, которая была недопустима в ресторане такого уровня: то ли для того, чтобы улучшить свое настроение, а скорее всего, для того, чтобы подразнить мужчин. И невинная шутка удалась: теперь все смотрели под стол, на ее ножку без туфельки, которой она мило покачивала и улыбалась при этом. Кажется бы, ну что здесь особенного? Ничего! Просто пока-

чивать ножкой может каждая, а заставлять мужчин нервно утираться накрахмаленными салфетками, увы, дано не всем. Джеймс это заметил и подошел к Софи с улыбкой. Затем ловко налил в бокал коньяк и, наклонившись к уху, шепнул:

– Прекратите немедленно, Софи, иначе в зале случится помешательство. Она рассмеялась, но туфельку не надела. А то еще подумают, будто ей кто-то может указывать: что можно делать, а что нельзя!

– Джеймс, – обратилась Софи, – составьте мне компанию?

– О, это великое удовольствие! Джеймс щелкнул пальцем.

К нему подошел помощник, выслушал своего патрона, поклонился и отправился к месту встречи гостей. Джеймс присел рядом.

– Я волнуюсь за вас!

– Не надо, – Софи прикоснулась к руке управляющего. Но если я буду пьяна, то проводить себя домой доверяю только вам. Моя визитка в клатче.

Софи заметно нервничала. Она теребила красивое кольцо с большим выпуклым бриллиантом на пальце: то снимая его, то надевая вновь. Ее скулы подергивались. Джеймс искоса, с деликатностью поглядывал на Софи. По напряженному выражению глаз было видно, что перед ними мелькали какие-то кадры, вероятно из ее жизни, и она будто выбирала, с чего начать. А потом взгляд остановился... Софи резко взяла в руки бокал, поднесла к губам и выпила с наслаждением, до дна. Затем обворожительно улыбнулась и начала рассказ:

– Знаете, Джеймс, а ведь у меня есть сестра-близнец...

Управляющий удивленно приподнял брови.

– Да, мы похожи с ней, как две капли воды. Наше детство прошло в маленьком городке на побережье, где все друг друга знали. Роуз была старше меня на несколько минут, и этим многое объяснялось. Она раньше увидела белый свет, вдохнула его аромат, в то время как я, опутавшись пуповиной, никак не могла вырваться наружу. Наверное, поэтому я так полюбила свободу, с первых ее мгновений, с первого вдоха. Кислородное голодание виновато... Так по-разному началась наша жизнь. Да и мы были разные. Роуз росла спокойным, рассудительным, уравновешенным ребенком. Я же не могла усидеть на месте и не понимала слова –нет! Однажды, я чуть не лишилась жизни, решив проверить, что будет если в отверстия розетки засунуть растопыренную шпильку. Как я тогда осталась жива, до сих пор загадка. Да если бы это было только одно происшествие. Я постоянно вляпывалась в какие-то истории, дралась с мальчишками, лазила через заборы. Мои колени не успевали зажить от постоянных ссадин и ран. Соседи подозрительно посматривали на меня и шептались: – Что из нее вырастит? Прямо наказание какое-то, а не ребенок. От чертей на время взята, не иначе... – Мне было обидно, я плакала и смотрелась в зеркало, видимо ища подтверждения этих слов, а сестра успокаивала меня. А еще я ненавидела ходить в школу. Нельзя сказать, что я была глупым ребёнком, нет, просто мне было скучно сидеть

за партой, в душном помещении, слушать монотонную речь и решать дурацкие задачи по математике. И если была возможность улизнуть с уроков, то я этим непременно пользовалась. Я убежала к океану и могла часами наблюдать за волнами, мечтая о большой любви, в то время, когда сестра отдувалась за меня в школе, особенно на экзаменах, пользуясь нашим внешним сходством. Роуз была прилежной ученицей и моим ангелом-хранителем. Она всегда выгораживала меня перед родителями и учителями, не читала нотаций и почти никогда не злилась. Она словно видела во мне то, чего другие не замечали. Мама с отцом много работали, и мы их видели редко: только по вечерам или выходным, но это не очень нас волновало. Нам было хорошо вдвоем. Когда Роуз корпела над учебниками, я с упоением смотрела фильмы. Бетти Дэвис и Джоан Кроуфорд были моими любимыми актрисами. Я мысленно примеряла их красивые платья, повторяла движения, пела и танцевала. Я была уверена, что могу также и пыталась копировать их. Роуз сначала искоса поглядывала на меня, но продолжала заниматься, а потом не выдерживала и закрывала учебники. Я с нетерпением ждала этого момента, и тогда уж давала волю всем своим фантазиям. Роуз смеялась и аплодировала. В комнате становилось шумно. И тогда приходил папа. Он был очень строгих нравов. Мои шоу раздражали его.

– Доверяй, но проверяй, – говорил он. – Голливуд – это миф, большой разноцветный шар, наполненный затхлым

воздухом. Стоит в него ткнуть пальцем, и он лопнет, оставив после себя маленькую грязную тряпочку и неприятный запах.

Тогда я не понимала этих слов и считала его чуть ли не своим врагом. Я злилась на отца и убегала к океану. Сначала плакала, а потом забывала и снова мечтала, глядя, как огромная волна подхватывает серфингистов. Моя душа также бурлила и пенилась. Через пару часов Роуз приходила за мной. Она уже знала, что к этому времени, все обиды давно прополоскал ветер, и тогда мы шли домой. Мы всегда смотрели в разные стороны, но при этом были частью друг друга. Так бывает.

Время прошло незаметно. После окончания школы Роуз уехала поступать в медицинский колледж, а я была вынуждена остаться. Отец категорически отказался вкладывать деньги в мое «сомнительное предприятие» под названием Голливуд. Как я была зла на него! Я его ненавидела! Тогда и пришла в голову идея устроится упаковщицей в супермаркет. Это был протест. Я очень старалась, хваталась за любые подработки и наконец, скопив небольшую сумму, собрала чемодан.

Было уже восемь часов вечера, я ждала приезда родителей, но они не возвращались. Потом подъехала полиция, а дальше все было, как в плохом кино. Я смутно помню слова офицера, но одно было ясно, случилось непоправимое. Родители разбились, не доехав до дому всего пол мили. Так мы

с Роуз остались одни. И это был первый большой удар в нашей жизни.

После похорон мы были растеряны. Когда смерть приходит внезапно, ты даже не можешь оценить всю трагичность происходящего. Нет ни боли, ни страха, только звенящая пустота. И как пережить это, когда тебе всего девятнадцать лет, и ты совсем ничего не знаешь об этом мире? В ту первую после похорон ночь мы долго не могли уснуть. Я мучилась, пытаясь вспомнить какие-то мгновения из нашей, теперь уже прошлой жизни, но все было напрасно. Словно кто-то стер страницы моей памяти.

– Роуз, мне страшно. Я, наверное, самая плохая дочь на свете. Я хочу увидеть маму и отца, но не могу, даже их лица стерлись из моего сознания.

Сестра обняла меня и прижала к груди:

– Так и должно быть. Ты обязательно вспомнишь все, но через какое-то время, когда душа немного успокоится. Человек удивительное создание.

Я расплакалась.

– Роуз, ты моя мама, ты всегда ею была. А я просто взбалмошная девчонка. Я – эгоистка. Ты не раз спасала меня, а что сделала для тебя я? Ничего! Мне это даже в голову никогда не приходило!

– Да ты и вправду глупая, Софи! Ты дала мне гораздо больше, чем я тебе. Ты зажигала огонек в моей душе, учила радоваться и смеяться, учила быть свободной и независи-

мой. Ты мой источник света! Это признание Роуз стало для меня неожиданностью. Мы никогда раньше так серьезно не разговаривали. Мы обнялись и крепко уснули.

Но жизнь продолжалась. Через несколько дней сестра вернулась в колледж, а я отправилась навстречу мечте. У каждой из нас была своя дорога.

Я ехала в автобусе в город грез и надежд, и волнение переполняло. Еще бы, это было в первый раз, когда мне предстояло одной оказаться в незнакомом городе. Конечно в голове был план действий, но пока этот весомый аргумент мало утешал. Солнце слепило изо всех сил. Я чувствовала себя разбитой.

Первым, кого я встретила на вокзале Лос-Анджелеса, был Майкл: высокий, худой, белобрысый оболтус. Он стоял на станции, жевал жвачку и пританцовывал, как это делают все тинэйджеры. Мне он тогда показался очень крутым. Он сразу подошел ко мне, осмотрел с ног до головы и предложил немного потусить, а заодно показать город. Я сделала такую же наглую физиономию, как у него, и согласилась. А что мне оставалось делать? Солнце уже не светило, на улице начинал накрапывать дождь, и я понятие не имела, куда мне следует идти дальше. Майклу было 18 лет жил один, в небольшой квартире на окраине города. Отца он не знал, а мать вот уже пару лет проживала у своего нового друга, и только иногда навещалась к сыну, чтобы проверить все ли в порядке и дать немного денег. Вещи были разбросаны по всему дому,

на полу валялись пустые банки из-под пива и кока-колы. Холодильник был пуст.

– Терпеть не могу убираться, – сказал Майкл. Мне и так хорошо. Я поморщилась и приступила к уборке. Пока я наводила порядок, Майкл сбегал за пищей и принес несколько бутылок пива. В этот же вечер он стал моим первым учителем, который открыл ворота во взрослую жизнь. Не могу сказать, что мне понравилось. В кино выглядело всё иначе. Но это не было разочарованием. Я понимала, что до большой любви надо дорасти. Сначала меня все устраивало. Мы делали, что хотели: слонялись по городу, занимались сексом, курили какую-то дрянь и слушали музыку, от которой у меня ужасно болела голова. Так продолжалось несколько недель. Этот период я помню смутно, да и не хочется его вспоминать. Вскоре пришло озарение: принц нищ, работать не хочет, а в его голове пустота... Я же продолжала мечтать! Это не давало покоя, и спустя три месяца совместного проживания, я удрала от Майкла. Да-да, именно удрала, когда он в очередной раз отправился за пивом. Но все же я была ему благодарна. Теперь мне не было страшно ходить по городу, и я знала несколько адресов, где проходили актерские кастинги.

В маленькой душной комнате без окон, было человек тридцать. Все толпились, зубрили текст по бумажке, иногда переговаривались или просто репетировали. Стоял ужасный

гвалт. Такая обстановка была мне не знакома. От нехватки кислорода закружилась голова, и я чуть не потеряла равновесие. Ко мне подошли три девчонки, примерно того же возраста. Я очень обрадовалась.

– Ты новенькая? Что-то мы не видели тебя раньше? Мы тоже здесь недавно, так что если ты не зануда и не лесбиянка, давай держаться вместе, к тому же, в нашей комнате есть пустая кровать, и нам приходится за нее платить. Если тебе нравится наше предложение, знакомимся. Меня зовут Кэти, я из Чикаго, а это Нэнси и Санди, они из Мичигана. У Кэти были большие карие глаза и пухлые губы. Она и сама была пухляшкой. Но в ней было какое-то очарование, искренность что ли. Тогда она первой протянула мне руку, но я не успела ее пожать. Я упала в обморок. Меня доставили в госпиталь, где я и узнала, что беременна. Это известие ошеломило... После аборта доктор предупредила меня, что детей может больше не быть. Тогда я не придавала значения этим словам, я даже не понимала их до конца, но мне было очень плохо. Я чувствовала, что всего лишь за три месяца свободной жизни, опрокинула в свою душу большую чернильницу, и теперь эта темная жижа булькала и переливалась внутри меня. Было тошно. Не знаю, что стало бы со мной, если бы не девчонки. Они приехали, забрали меня из госпиталя и окружили заботой, параллельно уча уму-разуму. Они были чуть старше, и у них уже был кое-какой опыт. Через некоторое время стало легче, и я продолжила ходить по кастингам. Я

шла к своей цели.

Вскоре меня заметили и пригласили сниматься в кино. Я была на седьмом небе от счастья, радовалась, кричала как безумная. Девчонки завидовали, но виду не подавали.

Софи тяжело вздохнула.

– Я пробовалась на маленькую роль проститутки. Режиссер Анджело Бери был не очень привлекательным внешне: слегка лысоват, с приличным брюшком и маленькими бегаящими глазками. Он наполовину был итальянцем. Много пил и громко кричал, широко размахивая руками. Ему всегда было жарко, оттого и ассистентки бегали за ним по пятам, смахивая пот со лба и утирая ему шею. Но режиссер он был от бога. Его фильмы постоянно крутили по телевизору. Я радовалась, когда он пригласил меня к себе в офис. В комнате было темно и, как на съемочной площадке, горел прожектор. Свет был направлен на большой кожаный диван. Анджело указал на него.

– Это твоя первая роль в кино? – спросил он.

– Да, – скромно ответила я.

– А почему ты не смотришь на меня, когда отвечаешь? – продолжал Анджело.

– Вы стоите около прожектора, а он слепит глаза.

– Тебе придется к этому привыкнуть, – засмеялся режиссер. Потом сделал несколько шагов вправо и влево, потер руки и серьезно произнес:

– Видишь ли, Софи, ты очень красивая девушка, привле-

кательная, но в тебе совсем нет того, что мы называем сексуальностью, страстью, если хочешь. Сможешь ли ты быть убедительной на экране? Сможешь ли заставить поверить мужчин, что они хотят именно тебя... Я не знаю, понимаешь ли ты, о чем сейчас говорю?

– Да, – робко сказала я.

– Так докажи это! – заорал Анджело. – Сделай так, чтобы мне сейчас снесло голову от желания трахнуть тебя.

Софи говорила громко, широко размахивая руками. А Джеймс преданно смотрел ей в глаза и только иногда прикладывал к губам палец, мягко успокаивая ее. Но Софи не обращала на него никакого внимания. Она продолжала рассказ:

– Я тогда совсем растерялась: мне захотелось заплакать и убежать прочь, ведь я не была готова к такому разговору. Я попыталась что-то сделать, но руки не слушались, губы тряслись, а в глазах стояли слезы. Мне хотелось доказать, что могу, но одновременно я чувствовала в этом какую-то грязь, и мне было противно.

– О, боже! – сказал Анджело, погладил себя по лысине и плюхнулся на диван. Я понял: ты девственница, или у тебя был парень, с которым ты спала раз пять? Я угадал? Но могу тебе сказать, что это не парень, а говно собачье и, слава богу, что ты вовремя от него убежала, иначе за всю жизнь он так бы и не научил тебя ни-че-му!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.